

И расшвырнул дракон на жену, и пошел, чтобы вступить в брань с прочими от семени ее, сохраняющими заповеди Божии и имеющими свидетельство Иисуса Христа.

Откр., 12, 17

... Два восьмидесятидвухмиллиметровых миномета выкачены на прямую наводку. Мины квакают, словно огромные жабы весной (дракон, впрочем, тоже ведь земноводное. Также, наверное, квакает?), из развернутых пастей минометов вырывается пламя. Через недолгое время к двум обтерханным темно-зеленым драконятам присоединяется чудовище посерьезнее: самоходная артиллерийская установка «Нона». Выстрелы гремят не переставая. Ответных выстрелов не слышно. Да и какая может быть «ответка»: ведь цель ополоумевших артиллеристов – храм Покрова на окраине оглушенного, обезумевшего от огня, грома и крови полуразрушенного Иловайска.

Август 2014-го. Кипит «иловайский котел». Разбитые украинские войска мечутся по степи, как перепуганные крысы – и, как крысы же, вонзают не утратившие остроты зубы в любой предмет, попадающийся на их извилистой дороге: в камень, в дерево, в живое тело... Нет зверя опаснее свихнувшейся от страха крысы.

На войне стреляют. Стреляют в тебя и твоих товарищей. Стреляют по городам, которые ты обороняешь – по зданиям, коммуникациям. Стреляют порою просто в белый свет, и это тоже имеет смысл: напугать, подавить, вжать в землю, добыть дрожи из твоих рук, сжимающих оружие. Это понятно и объяснимо. Ты, при случае, поступаешь так же – и не следует лгать, строить из себя гуманиста. Нет гуманистов на войне.

... Но два миномета и «нонка» прицельно стреляют в храм. Туда, где нет – и не может быть – противника; никогда ополченцы не занимали обороны в церквях. Укропы знают это. И – выводят орудия на прямую наводку. Им мало расщепить на молекулы наши тела. Они стреляют в нашу душу.

... Потому что Противник все же есть. Самый страшный. Необоримый. Он глядит с надвратной иконы, и лицо Его спокойно и скорбно. Просто в очередной раз (в который уж за последние две тысячи лет?) очередной (который уже?) си-

недрион посылает слуг своих с четким приказом: убичевать, отконвоировать на Голгофу, подвергнуть позорной казни на кресте, причтя к злодеям.

Поляки-католики, униаты-западенцы, сторонники Киевской митрополии, считающие себя православными, – неведомо, чьи руки заряжают, направляют и жмут на гашетки. Тем более неведомо, что происходит в их душах.

Другое ведомо: снаряды и мины до храма не долетают. Обессиленные, валятся они в церковный двор, взрываются – шумно и почти безвредно. Другие, с раздраженным свистом и кваканьем несутся в сторону голубого шатрового купола – и, вопреки всем ведомым законам природы, меняют траекторию, уклоняются от цели, уносятся в сторону нешироких городских улиц; в их свирепом вое слышатся обида, недоумение – и страх.

...Сколько времени продолжается обстрел – никто точно не помнит. Кажется, что долго, но ведь время на войне – особое, странное, по своим законам живущее время.

Наконец стрельба прекращается. На светло-голубом куполе – три отметины от осколков – как следы от гвоздей на руках и ногах Спасителя...

Атеисты вправе не поверить. Но среди ополченцев, занимавших оборону неподалеку от храма, атеистов не было. Точнее – не осталось после увиденного.

...Странное время, смутное время, первое время. Время тяжелых боев, славных побед, о которых до сих пор вспоминается с бесшабашной улыбкой – и редких, но столь же славных поражений, которые и мы, и, как ни странно, наши враги все равно воспринимают как наши победы. Время бескорыстное, бессребренное и очень простое: пред тобою – враг, справа и слева – друзья, а за спиной – родина. Ни полутонов, ни подробностей, ни сложностей каких-то – мир прост и двуцветен, как детская сказка. И так же правдив, ибо нет и не может быть правды за чудовищем, в жертву которому приносятся дети. И истребить его – любым способом – доблесть, долг и обязанность. Сложности, психологические выверты, попытки «понять» и «объяснить» – все это из другого времени, из другой жизни.

«Другая жизнь», лишенная простоты, переполненная «подробностями», которые казались ни к чему полыхающим летом 14-го, тяжелая, порою скучная донельзя, настала – и это оказалось трагически неожиданно для нас, для многих, для большинства, для подавляющего большинства! – «ополченцев 14-го». Тех «неатеистов», душу которых безуспешно пыталась расстрелять укропская артиллерия. Но об этом – в другой раз, и скорее всего прозою.

А стихи, предлагаемые ниже – просто попытка хоть краешком заглянуть в души моих братьев, моих товарищей первых дней войны на Донбассе. И в собственную душу – тоже...

Размышление о героизме

1

Маленький Санька,
механик-водитель танка
с ясным,
незамутненным совестью взглядом,
крепенький, ладный
и ловкий, как ванька-встанька,
глотает пепси,
сидя со мною рядом.

Разницы
между делишками и делами
Санька не видит,
живет нетрезво и бурно.
На Санькином пузе –
храм с пятью куполами;
в тридцать четыре года –
совсем недурно.

В Санькином теле
кусочки вражеской стали.
Саньке
неведомы «хорошо» и «плохо».
Санька стрелял
и в танке горел в Дебале
с той же ухмылкой,
что шурил водил на блоках.

Месяц-иуда,
звезды, хищные твари,
застят дорогу
к спаленному украми дому...

Маленький Санька –
мой боевой товарищ.
Я за него
глотку порву любому.

2

Ранец солдатских грехов
повис за спиною,
присыпанный тальком дерзости и отчаянья,
полнясь от дня ко дню
и от боя к бою
и не имея тенденции к полегчанию.

Песни о наших победах будут пропеты
теми,
кто дал с войны в свое время деру,
а мы останемся
в названиях школ и проспектов
(кроме расстрелянных
за буйство и мародерку).

А песни будут!
Звонкие, лживые песни!
И мы их подтянем,
осиянные мутным светом...

...Маленький Санька устало глотает пепси,
герой Донбасса,
не знающего об этом...

Двухсотый

Нет в смерти
ни красивого, ни мерзкого,
а есть земля,
пропахшая угаром.
До взрыва было человечье месиво
двадцатилетним симпатичным парнем.

Не дожито,
не люблено,
не пройдено...
От страха
солнце сделалось блее
луны.
Как ни почетна смерть за Родину,
в земле не суше
и не веселее...

Мы все там будем –
раньше ли,
позднее ли...
Без ненависти,
гнева
и истерик
мы нивы жнем,
которые не сеяли,
недолго сокрушаясь о потерях.

Привычно вражья гаубица гукает,
и полыхает небо ярко-красным...
...Оторванную человечью руку я
несу в руке.
...И страшно,
что не страшно...

Новороссийские ямбики

1. Донбасс. Российский доброволец

Бронежилет, разгрузка, автомат,
шлагбаум, рация, тоска по дому...
Опять солдат,
как тридцать лет назад.
Должно быть, не умею по-другому...

Мальчишка,
не сумевший повзрослеть,
укрытый сединой, как маскхалатом,
я назовусь,
коль выйдет уцелеть –
героем
и Империи солдатом...

2. Воспоминание о будущем

Когда-нибудь
проснусь от тишины
под мерный звук раскатистого грома –
в заштатном городке шальной страны,
который стал родней родного дома.

Не артобстрел,
но вешняя гроза,
и слезы молний,
полны влажной грусти.

...И глянут с неба женские глаза,
что не дают мне
ни солгать,
ни струсить...

3. Между войн

Сомлело в ожидании беды
белесых хат испуганное стадо,
и полнятся военные склады
снарядами для гаубиц и «градов».

Над ухом –
свист кровавой тишины,
ворчанье смерти,
пролетевшей мимо.
...И горько
ожидание войны.
...И втрое горше –
ожиданье мира...

4. Годовщина Дебальцева (ополчение-2016)

Мы год назад
отбили треть страны,
две трети
мы оставили укропам.
Усталость в ожидании войны
мы глушим водкой
и хвастливым трепом.

Ослабла безоружная рука.
Мы ждали мира?
Мы его дождались!

...В забытых пропыленных вещмешках
тускнеют прошлогодние медали.

Донбасское inferно

Ехал в поезде солдат с чертом.
Дым в глазах его стоял серый.
Снег клубился за окном черным,
снег,
пропахший ветром и серой.
От бессонницы глаза вспухли.
Тускло-красным,
мерцающим светом
попыхали в глубине угли
хат Никишина,
которого нету.

Над разгромленным пустым краем
занималось серое утро.
Черт солдата соблазнял раем,
а солдат в ответ молчал хмуро.

Пламя в Горловке,
руины в Донецке,
Белокаменки спаленные хаты...
Ехал в поезде солдат –
в нети,
в преисподнюю
тянуло солдата...

Непечата на столе водка.
Снег клубится за окном черным...

Ехал в поезде солдат в отпуск
с перепуганным вонзят чертом...

В отпуске

В мир, исполненный света
я гляжу сквозь стекло.
Здесь, наверное, лето
и, наверно, тепло.

Солнце светит, не грея,
в тихий ласковый день.
Я иду сквозь деревья,
я иду сквозь людей.

Улыбаюсь знакомым –
не всегда невпопад.
Я, наверное, дома.
Я, наверное, рад...

Дымка, марево.
Студень
среднерусского дня.

Улыбаются люди,
проходя сквозь меня.

Воздух сладкий и волглый,
как кондитерский крем.
Обмелевшая Волга,
облупившийся кремль,

и, как тень, прохожу я
словно сквозь миражи,
сквозь простую, чужую
позабытую жизнь.

Не свистит.
Не грохочет
над моей головой.
В ожидании ночи –
хоть живи,
хоть чего,

чтоб уснув,
окунуться
в огнепальные сны,
не умея вернуться
с очертевшей войны...

Попытка возрождения

Как вспышка последнего гнева,
комета махнула хвостом.
Тяжелое черное небо
подернулось Млечным Путем.
Уродлив,
как статуя нэцкэ,
на блоке застыл БТР,
и рвутся снаряды в Донецке,
и полнятся сводки потерь.

Но – полнятся также прилавки,
и учениками – лицей,
на тракте –
асфальта заплатки,
улыбка – на женском лице.
Плоды осторожной победы –
ремонтные грузовики,
и улицы –
шумны и белы,
и речи –
смелы и легки.
Концерты,
гуляния в даты,
и голубь вспорхнул в вышину.

Девчонка целует солдата,
идущего не на войну...

...Разрывы над горловской трассой,
и пальцы на спуске свело...

...Но Феникс
простер над Донбассом
пробитое
пулей
крыло.

Ночные голоса

Волки идут
по донбасской земле.
Темные тени
скользят среди полей,
три силуэта –
в туманной золе,
вдоль облетевшей зеленки.
Над задремавшим в ночи блокпостом
ступу Яга погоняет пестом,
ведьма крадется в тумане густом,
воздух –
бесшумный и ломкий.

Волки проходят
среди тишины,
среди настороженной полувойны,
полем полупобедившей страны,
черною ведьминской ночью.
Сквозь суету,
сквозь раздрай и разброд
сводная тройка из трех разведрот
линией разграниченья идет,
зеленью светятся очи...

Тусклое небо
да ветер в ушах.
Волки проходят
бесшумно,
шаг в шаг,
мимо оживших встряхнувшихся шахт
и задымивших заводов.
Тройка проходит,
держа интервал.
В мертвых глазах –
Иловайск и Дебал,
в сгнивших клыках –
омертвевший оскал
черного дымного года.

Души «двухсотых» недавних времен,
души,
лишенные тел и имен,
тех,
кто под сенью крестов и знамен
сгинул «безвестным героем».
Тех,
кто зарыт –
и забыт поскорей,
тех,
кто лишь в сводках
и снах матерей,
снах,
что осколка гранаты острей,
жив, и не знает покоя.

Средь прошлогодней
пожухлой травы,
свежей,
когда они были в живых,
тройка бессонных ночных часовых
с остановившимся взором
молча проходит
притихшей страной,
сытой по горло
бедой и войной,
под притаившейся в тучах луной –
непримиримым дозором...